

Шэнь Цинчжоу и Сяо Ли разом повернулись к нему. От их пристальных, немигающих взглядов у Мэн Сю пробежал мороз по коже, но он всё же упрямо повторил свой вопрос:

— Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что такое этот Цюнцюэ?

Сяо Ли сделал пару забавных прыжков, взлетел на плечо Шэнь Цинчжоу и, склонив голову к самому его уху, заговорщически прошептал:

— Он даже про Цюнцюэ не слышал. Глуповатый какой-то. И зачем только ты его с собой притащил?

Шэнь Цинчжоу неловко кашлянул.

— Синтянь настоял...

По спине Мэн Сю пробежал холодный пот. Похоже, он только что столкнулся с величайшей угрозой в своей жизни — его умственные способности открыто подвергли сомнению.

Шэнь Цинчжоу громко откашлялся, пряча смущённый взгляд.

— Оставим это пока. Позже всё объясню. Сяо Ли, ты уверен, что с владычицей Си-ван-му сейчас всё в порядке?

Маленький птах озадаченно моргнул.

— Ой, погоди, сейчас спрошу.

С этими словами он спорхнул вниз, свернулся пушистым комочком прямо в тёплой ладони юноши и затих. Хохолок на его крохотной голове налился сочным, алым цветом, испуская мягкое, едва заметное свечение.

Шэнь Цинчжоу, не отрываясь, следил за пульсирующей алой искрой, боясь упустить малейшее изменение.

Спустя мгновение Сяо Ли открыл глаза и победоносно вскинул голову.

— Господин Синтянь не ошибся. Несколько дней назад в Цюнцюэ действительно начались волнения, но владычица уже всё усмирила. С ней всё хорошо.

Птах только что связался с Да Ли — старейшим из синих птиц, охраняющих покой Си-ван-му. Тот подтвердил, что беда миновала, однако голос старейшего вестника звучал глухо и

бесконечно устало: битва с разбушевавшейся бездной отняла у него слишком много сил.

— Слава богам, — с облегчением выдохнул Шэнь Цинчжоу.

Теперь, когда тревога за Си-ван-му улеглась, в его голове один за другим начали всплывать вопросы о природе Цюнцюэ и их связи с древними божествами.

Чжоу Фу утверждал, будто все Цюнцюэ давно запечатаны и уничтожены. Однако даже из обрывочных знаний Шэнь Цинчжоу следовало, что в мире до сих пор существуют как минимум три такие бездны. Первая — у Алтарной террасы императоров, вторая — в Царстве Шаохао, а третью сдерживала сама владычица Си-ван-му.

И если Белый Император Шаохао пребывал в ужасающем полумёртвом состоянии, то глубокий сон Си-ван-му на его фоне казался едва ли не милостью судьбы.

— Раз с владычицей всё в порядке, может, вернёмся? — нетерпеливо вмешался Мэн Сю. — Господин Синтянь ждёт нас. Мне показалось, его рассудок прояснился ненадолго, он скоро снова впадёт в безумие...

Шэнь Цинчжоу на мгновение задумался. Он вдруг стал решительным, и это отразилось в его взгляде, скрытом за тенью ресниц. Он повернулся к спутнику:

— Цзыци, ты сможешь сам вернуться к горе Чанъян? — спросил он непривычно мягким, даже ласковым голосом.

Мэн Сю передёрнуло от этой вкрадчивой интонации, словно с ним нянчились как с дитятей.

— С чего бы вдруг мне не смочь? — буркнул он недовольно.

— Вот и славно, тогда ступай к Синтяню, — Шэнь Цинчжоу скользнул взглядом по Сяо Ли, который как раз увлечённо чистил пёрышки. — А я хочу наведаться к Алтарной террасе императоров. Сяо Ли, не откажешь в любезности показать дорогу?

Мэн Сю насупился и обиженно уставился на него:

— Отлично! Решил избавиться от меня? А как же твоё обещание всё объяснить? Ты мне зубы не заговаривай!

— Чуть позже, — Шэнь Цинчжоу выглядел таким искренне виноватым, что злиться на него было трудно. — Раз уж пообещал — расшибусь, но слово сдержу. Просто сейчас мне нужно уладить одно личное дело. Пожалуйста, пойми меня правильно.

— Да я...

Мэн Сю осёкся, чувствуя себя так, словно со всей силы ударил по мешку с пухом — весь его пыл мгновенно испарился. Но стоило ему раскрыть рот, чтобы возразить, как в разговор бесцеремонно вклинилась синяя птица.

— Господин Бучжоу тебе не обрадуется! — Сяо Ли гордо расправил крылышки и заносчиво задрал клюв. — Кроме господина Кунъюя, он никого и на порог не пустит. Да он даже нам, вестникам Куньлуня, запрещает приближаться к Алтарной террасе!

Мэн Сю онемел. Он уставился на Шэнь Цинчжоу долгим, полным глубочайшего недоумения взглядом, в котором сквозило горькое, почти детское чувство обиды: его обставили, бросили, да ещё и выставили лишним.

«Да что ж это такое? Опять его старый знакомый?!»

Разгадав немую гамму чувств на лице товарища, Шэнь Цинчжоу лишь криво усмехнулся. Строго говоря, всё было с точностью до наоборот: это они знали его прежнего, а сам он не помнил о них ровным счётом ничего.

— Если встретишь по пути Черныша, вели ему возвращаться на остров Мосин, — Шэнь Цинчжоу пошарил в рукаве и достал несколько круглых, гладко обточенных духовных камней. — И передай ему это.

Мэн Сю прищурился, взвешивая камни на ладони и шутливо подбрасывая их вверх.

— Источники духа? Зачем они мне? У меня с собой нет ни одного накопителя.

Особым образом огранённые духовные камни использовались для прямой подзарядки артефактов. Мастера называли их «источниками духа», а сами питаемые ими предметы — «накопителями». Именно от таких камней горел светильник в Обители Чистого Блеска Шэнь Цинчжоу и двигалась парящая лодка, на которой путешествовали старейшины Пэнлай.

Шэнь Цинчжоу покачал головой:

— Это не тебе. Это лакомство для Черныша. Он проделал такой долгий путь без отдыха, наверняка проголодался.

— Лакомство... — Мэн Сю скептически приподнял бровь. — Жируют же ваши домашние зверушки.

— Ну, побаловать можно только Черныша, — возразил Шэнь Цинчжоу. — Остальным

обитателям Сада Сотни Зверей обычно перепадает лишь горсть морозного риса.

Мэн Сю спрятал камни в пазуху и тихо вздохнул:

— Будто морозный рис — это какая-то дешёвка.

Шэнь Цинчжоу смутился ещё сильнее:

— Да мы и не каждый день его даём.

Мэн Сю поперхнулся воздухом, едва не вытаращив глаза от изумления.

В Поместье Чистой Святости питомцев отродясь не баловали элитными кормами! Теперь-то стало ясно, почему пара небесных псов, которых Пэнлай преподнёс им в дар в прошлый раз, воротила нос от обычного варева и притрагивалась к миске только от дикого голода. Оказывается, благородные твари привыкли к отборному морозному рису!

В ратном искусстве Поместье Чистой Святости могло потягаться с семьёй Цинь из Пэнлай, но вот по части богатства они и близко не стояли. Пэнлайцы веками пускали корни в мирских землях, держали в руках ремёсла и торговлю, запустив пальцы буквально во все доходные промыслы Поднебесной.

Семья Цинь предпочитала держаться в тени, не кичась своим могуществом. Однако если бы этот дремлющий тигр решил выпустить когти в Срединных равнинах, императорскому дому Великого Цянь пришлось бы несладко.

«Эх, сорвалась такая помолвка... Потеряли мы знатную партию, ничего не скажешь».

В конце концов Мэн Сю ушёл — нехотя, постоянно оглядываясь через плечо, словно высматривая, не передумает ли Шэнь Цинчжоу в последний момент. Стоило тому подать хоть малейший знак, и парень тут же помчался бы назад.

Но надежды его были напрасны. Мэн Сю скрылся из виду, пересёк невидимую границу Куньлуня, а Шэнь Цинчжоу так и не окликнул его.

Убедившись, что приятель ушёл достаточно далеко и ему ничего не угрожает, Шэнь Цинчжоу опустил взгляд на синего птаха, устроившегося на его предплечье.

— Ну что ж, пора и нам в путь. Веди меня к нему... К настоящему господину Бучжоу.

Шао Тан была старшей ученицей Пещеры Десяти Тысяч Феноменов в шестьдесят восьмом поколении. Вся младшая братия, независимо от того, у какого наставника обучалась, при встрече с ней почтительно склоняла головы, приветствуя старшую сестру.

Несколько веков назад ни в Пещере Десяти Тысяч Феноменов, ни в других даосских обителях не существовало разделения на «сестёр» и «братьев». Монахи и монахини без разбора именovali друг друга братьями по вере.

Но со временем женщин в храмах становилось всё больше, а среди великих мастеров и глав орденов то и дело начали появляться выдающиеся заклинательницы. Так постепенно и вошли в обиход привычные ныне обращения к названным сёстрам.

Сейчас Шао Тан вела за собой небольшой отряд младших учеников. Они спешили к горе Чанъян вслед за стремительным зверем Чернышом.

В Пещере Десяти Тысяч Феноменов не жаловали путь меча. Местные адепты редко носили с собой клинки и не владели искусством полёта на мечах, зато секреты подчинения ветра они довели до совершенства.

По части управления небесными потоками даже умудрённые опытом мастера едва ли превзошли бы обычного послушника из их ордена.

Ветер подхватывал их, устремляя ввысь, мощный и необоримый.

Шао Тан скользила по воздуху, её расшитые радужными облаками рукава и воздушные ленты развевались, словно крылья. Движущийся следом отряд походил на сонм небожителей, спустившихся из чертогов Девятого неба.

Рядом с ней, поддерживаемый невидимой воздушной ладонью, послушно мчался Черныш.

Внезапно зверь замер, приглядываясь к чему-то внизу, а затем вцепился когтями в подол Шао Тан и тревожно заурчал, указывая лапой на землю.

— Мэн-цзи! Мэн-цзи!

Заметив одинокую фигуру среди холмов, Шао Тан кивнула и устремила поток ветра вниз.

Мэн Сю уловил свист ветра за спиной. Обернувшись, он увидел целую вереницу ярких даосских одеяний — визитную карточку Пещеры Десяти Тысяч Феноменов. На одеянии предводительницы, помимо привычных пяти цветов созидания, красовались синие и пурпурные узоры, свидетельствовавшие о высоком духовном сане.

Добавься к этому узору золото и серебро — перед ними предстал бы сам глава ордена. Но и так было ясно, что Шао Тан, будучи старшей ученицей, по статусу приравнивалась к старейшинам, а потому носила эти цвета по праву.

— Рад приветствовать почтенных даосов, — Мэн Сю вежливо сложил ладони в приветствии. — Я — Мэн Цзыци, молодой глава Поместья Чистой Святости.

Шао Тан склонила голову в ответном жесте:

— Приветствую вас, молодой глава Мэн. Мы прибыли из Пещеры Десяти Тысяч Феноменов. Скажите, не встречался ли вам по пути молодой господин Цинь Куньюй?

Она спросила об этом прямо, не тратя времени на пустые церемонии.

«Надо же, а дядя Цинь оказался прав, — подумал Мэн Сю с облегчением. — Даосы действительно поспешили на выручку».

— Да, мы только что расстались. С ним всё в порядке, он цел и невредим. Сейчас его задержали неотложные дела, так что не беспокойтесь. Простите, что вам пришлось проделать этот путь зря.

— Ну что вы, пустяки какие! — добродушно рассмеялся стоявший позади Шао Тан круглолицый юный послушник с весёлыми глазами. — Господин Куньюй — почётный гость нашего ордена. Главное, что он невредим, а прогулка по свежему воздуху нам только на пользу.

Черныш, уловив имя хозяина, важно соскочил на землю. Медленно, по-кошачьи изящно переставляя лапы, он приблизился к Мэн Сю. Зверь проявил редкое дружелюбие. Он повёл ушами, снисходительно мазнул пушистым хвостом по лодыжке юноши и чинно устроился перед ним.

— Мэн-цзи...

Мэн Сю присел на корточки. В чистом, влажном блеске глаз Черныша он с удивлением заметил самую настоящую, человеческую тревогу за хозяина.

Он уже собирался ласково успокоить зверя, мол, не переживай, твой двуногий цел. Но вредный характер взял верх, и Мэн Сю, заговорщически потерев Черныша за ухом, ехидно прошептал:

— Так тебя зовут Черныш? Эх, дружок, плохие новости. У твоего хозяина завелся новый любимец. Красивый такой птах. Всё, забудь про него, ты ему больше не нужен!

Котёнок-переросток мгновенно замер. Он смешно прижал уши к голове, а его глаза расширились от неподдельного ужаса.

— Мэн... цзи...

Черныш яростно мотнул головой, а затем злобно зашипел на Мэн Сю, готовый растерзать этого наглого лжеца, посмевшего клеветать на его преданного хозяина.

— Чистая правда, честное слово! — продолжал измываться Мэн Сю, растягивая слова. — Я сам его видел. Такой статный, синий, сильный... А уж характер — золото! И самое главное — он умеет разговаривать!

— Мэн-цзи! Мэн-цзи-мэн-цзи!

Черныш истошно взвыл. Если бы Мэн Сю владел языком зверей, он бы узнал много нового о себе, своём поведении и предках до восемнадцатого колена.

Мэн Сю покатился со смеху, но расвирепевший Черныш молниеносным движением лапы съездил шутнику по лицу, оставив на щеке пять ярких царапин.

— Ой, ладно-ладно, сдаюсь! — взмолился Мэн Сю, потирая горящую щеку и с трудом сдерживая хохот. — Не злись, я пошутил. Никто тебя не бросал. Он скоро закончит дела и заберёт тебя.

Лишь тогда зверь сменил гнев на милость. На его круглой морде появилось выражение надменного превосходства, будто говорящее: «То-то же».

Он величественно взмахнул кончиком хвоста, неторопливо отошёл к чистому камню и, усевшись поудобнее, принялся с самым независимым видом вылизывать пострадавшую в бою лапу.

— Раз вы оба в безопасности, мы вернёмся в обитель, — обратилась Шао Тан к Мэн Сю.

Мэн Сю открыл было рот, чтобы попроситься, как вдруг со стороны горизонта донёсся оглушительный грохот. Звуковая волна прокатилась по долине, заставив полы их одежд яростно хлопнуть, а деревья вокруг испуганно затрепетали листвой.

— Гр-р-рум-м!

Мэн Сю зажал уши руками и подпрыгнул на месте:

— Что это?! Откуда рвануло?!

Шао Тан осталась невозмутима. Она по-прежнему сохраняла холодное спокойствие ледника. Она даже бровью не повела, лишь устремила чистый, пронзительный взор туда, откуда пришёл звук.

— Похоже... со стороны горы Чанъян.

Лицо Мэн Сю мгновенно побелело:

— Синтянь! С ним что-то случилось!

— В путь! — коротко бросила Шао Тан. Взмахом широкого рукава она подняла плотную стену ветра, направляя учеников в сторону содрогающейся горы.

— Эй, меня-то подождите! — взвыл Мэн Сю, хватая опешившего Черныша в охапку. — Я пешком не успею! Подсобите!

Кот недовольно брыкнул его лапой по рёбрам, но, сообразив, что дело принимает скверный оборот, притих и перестал вырываться.

Тот самый круглолицый юноша, что заговорил с ним первым, обернулся на бегу и небрежно указал на Мэн Сю пальцем. Невидимый воздушный жгут крепко обвил талию парня. Послушник легко повёл рукой, взмывая ввысь и увлекая за собой Мэн Сю вместе со зверем.

— Премного благодарен! — крикнул Мэн Сю, болтаясь в воздухе. — Могу я узнать ваше имя, благородный даос?

Мальчишка весело сощурился:

— В нашем ордене редко дают звучные духовные имена, мы обходимся мирскими. Нашу старшую сестру зовут Шао Тан — это её настоящее имя. А меня кличут Мин Юй. «Мин» — что значит свет, и «Юй» — как в слове «притча».

— Мин... Редкая фамилия, — отозвался Мэн Сю, стараясь перекрыть свист ветра.

— Да нет же! — весело рассмеялся Мин Юй. — Как раз у меня это прозвище, а не фамилия. Я ведь подкидыш. Наставник подобрал меня младенцем у ворот Пещеры и дал это имя.

Мэн Сю растерялся и неловко замялся:

— Прости... Не хотел беречь рану.

— Да брось ты, какие глупости! — махнул рукой Мин Юй, искренне недоумевая, чему тут расстраиваться. — Всё сложилось как нельзя лучше. Остаюсь я в семье, вряд ли когда-нибудь обрёл бы этот великий путь заклинания.

Мэн Сю промолчал, но он нахмурился, погружившись в глубокие раздумья.

<http://bllate.org/book/18428/1867502>